

Кудашов Вячеслав Иванович, Петров Михаил Александрович
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ "ЗНАНИЕ"

Авторы показывают, что эпистемологические проблемы понятия "знание" являются более сложными, чем кажутся обыденному сознанию за пределами философии науки. Многочисленные характеристики знания можно суммировать в его определении как обоснованной, общезначимой, интерсубъективной знаковой системы. Однако философская теория познания рассматривает знание с более широкой точки зрения, выходящей за рамки философии науки. Возникает проблема отношения знания к внешнему миру или к деятельности человека. Поэтому чисто эпистемологический анализ знания, с точки зрения авторов статьи, недостаточен, он должен включать в себя социально-философский и культурно-антропологический аспекты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 112-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 165.2

Авторы показывают, что эпистемологические проблемы понятия «знание» являются более сложными, чем кажутся обыденному сознанию за пределами философии науки. Многочисленные характеристики знания можно суммировать в его определении как обоснованной, общезначимой, интерсубъективной знаковой системы. Однако философская теория познания рассматривает знание с более широкой точки зрения, выходящей за рамки философии науки. Возникает проблема отношения знания к внешнему миру или к деятельности человека. Поэтому чисто эпистемологический анализ знания, с точки зрения авторов статьи, недостаточен, он должен включать в себя социально-философский и культурно-антропологический аспекты.

Ключевые слова и фразы: знание; эпистемология; истина; мнение; верование.

Вячеслав Иванович Кудашов, д. филос. н., профессор

Михаил Александрович Петров, к. филос. н.

Кафедра философии

Сибирский федеральный университет

vkudashov@mail.ru; mipet@yandex.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ «ЗНАНИЕ»[©]

Понятие «знание» является одной из важнейших гносеологических категорий, хотя анализу этого понятия пока не уделялось большого внимания и часто оно употребляется в некотором близком к обыденному смысле. Современные информационные технологии создают мощную машину внушения, а также виртуальную реальность, в которой растворяются грани между знанием и мнением, реальным и нереальным, истиной и ложью. В этой ситуации пытаться ответить на вопрос: что есть знание – означает разобраться в новом, невероятно усложнившемся и ускользающем от понимания мире, а также понять себя самого, тоже растворяющегося в виртуальности.

Для классической эпистемологии, начиная с Декарта и Бэкона, образцовым примером подлинного чистого знания было научное знание. Именно его имели в виду Лейбниц и Кант, французские энциклопедисты, О. Конт и Дж. С. Милль и многие другие. Со второй половины XIX в. оформляется в особую область исследований философия науки, которая предметом своего интереса делает научное знание и методы его получения. Благодаря усилиям Э. Маха, А. Пуанкаре, П. Дюгема, А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, М. Шлика, Г. Рейхенбаха, А. Грюнбаума, Э. Нагеля, К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса философия науки пришла к ответам на вопросы о том, что такое научное знание, какими методами оно получается, как обосновывается, как оно структурировано. И если внутри самой философии науки постоянно шли достаточно горячие споры по различным вопросам, касающимся понимания научного знания, то за ее пределами полученные ею результаты воспринимались без серьезной критики и считались общепризнанными. Многочисленные характеристики знания можно суммировать в его определении как обоснованной, общезначимой, интерсубъективной знаковой системы.

Понимание знания как обоснованного истинного мнения тоже не вызвало особых возражений, поскольку подразумевалось, что мнение выражается в знаковой системе. Однако за разговорами о «мнении» обнаруживается иное понимание знания, которое в последнее время развивается в англо-американской философии. Еще в 1963 г. Э. Геттгер опубликовал статью «Является ли знанием обоснованное истинное убеждение» [5], в которой пытался показать, что человек может иметь истинно обоснованное убеждение и в то же время не иметь знания. Убежденность, уверенность, сомнение являются характеристиками психики, внутренними состояниями, которые знанием могут не быть в силу своей субъективности. В лучшем случае это можно было бы назвать «личным знанием» в духе М. Полани, но не знанием в гносеологическом смысле. Обсуждение знания как философской категории эта статья перевела в разговор о психическом индивидуальном состоянии «знать», «быть уверенным», «сомневаться» или о разнообразных смыслах слова «знать», т.е. в разговор о словоупотреблении в стиле позднего Л. Витгенштейна. Таким образом, анализ понятия «знание» был заменен анализом выражения «знать, что», а вместо обсуждения и решения философских проблем познания стали обсуждать психолингвистические проблемы, связанные с употреблением языковых выражений.

Очень интересным и важным в эпистемологии представляется еще один подход к пониманию знания, который опирается на современные антропологические, этнографические, культурологические исследования. В отечественной философии этот подход развивает И. Т. Касавин, который показывает, что знание существует и за пределами науки – в обыденной жизни, в обрядах и ритуалах, в мифах, в ремеслах и обычаях [2]. С его точки зрения, истолкование знания философией науки является чрезмерно узким, оно далеко не охватывает всех видов знания, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни. На уровне здравого смысла ряд утверждений принимается в качестве знаний, хотя никакой рефлексии по этому поводу не осуществляется. В принципе то же самое происходит и в науке: ученый стремится к получению знания и убежден в том, что принятые в науке утверждения о законах и большая часть принятых теорий являются знанием и что они истинны. Специальной рефлексией по поводу того, что считать знанием и истиной, он не занимается.

Сегодня можно говорить о трех сферах, к которым могут относиться наши идеи, – сфере верований, сфере мнений и сфере знания. Сферу верований составляют такие идеи, которые мы принимаем без рассуждений, которые не требуют обоснования, так как они отвечают нашему чувству жизни. Сюда относятся не только религиозные идеи, но и все то, во что мы верим в нашей обыденной, повседневной жизни. В сферу мнений входят идеи, выражающие субъективное отношение к вещам и явлениям, личные оценки и вкусы. Мнение тоже не нуждается в обосновании, если, конечно, его никому не навязывают. А вот знание требует обоснования (закон достаточного основания Г. В. Лейбница), поскольку в отличие от веры и мнения знание – это то, что нуждается в обосновании и может быть обосновано. Знание интерсубъективно: оно принадлежит не одному, а многим, и чтобы его приняли многие, оно нуждается в обосновании.

Указанные сферы строго не отделены одна от другой, они проникают друг в друга: мнение далеко не всегда выражает вкусы и предпочтения индивида, порой мнение опирается на предшествующий опыт и приближается к знанию. Эпистемологическая природа мнения, классификация мнений разных типов, взаимоотношения между мнением и знанием пока остаются мало исследованными. Знание есть результат особой познавательной деятельности, оно не возникает вдруг, как вера или мнение, а формируется в результате целенаправленных усилий. Внезапно может возникнуть мысль, решение проблемы, но чтобы они превратились в знание, нужны дополнительные, порой длительные усилия.

Можно анализировать способы получения и обоснования знания, его структуру и функции отдельных элементов, процедуры проверки, подтверждения и опровержения, чем и занималась философия науки XX века. Однако философская теория познания рассматривает знание с более широкой точки зрения и ставит вопрос, выходящий за рамки философии науки: вопрос об отношении знания к чему-то внешнему по отношению к нему – к внешнему миру или к деятельности человека. Гносеологическая оценка знания в его отношении к внешнему миру выражается понятием истины. Проверенные обоснованные предложения, в которых выражается знание, оцениваются как истинные. Когда мы говорим о структуре знания, о его проверке, подтверждении или опровержении, мы остаемся в области идей и чувственных восприятий. Оценивая же идеи как истинные или ложные, мы уже выходим за границы чувственного восприятия и языка и говорим об отношении наших идей к внешнему миру или к нашей деятельности в этом мире.

Понятие знания и понятие истины теснейшим образом взаимосвязаны: знание – это то, что оценивается как истина, а истина – это необходимый атрибут знания. Поэтому вопрос об истине – это вопрос о природе знания: дает ли знание нам картину окружающего мира или оно служит лишь полезным средством успешной деятельности? Классическая концепция истины приводит к реализму в понимании знания; прагматистская концепция истины выражается в инструменталистском истолковании знания. Онтологическая концепция истины находится в центре логики, которая может служить моделью дотехнологической рациональности [1, с. 72].

Можно считать схоластичным любой разговор о знании без соотнесения его с внешним миром, без использования понятий истины и лжи. Тогда лишается смысла его отличие от веры и мнения, от фантазий и иллюзий. Проверимость, обоснованность, подтверждаемость сами по себе не имеют смысла, а получают его в том случае, когда проверенная и обоснованная идея считается истинной. Тогда она обретает свойство, которого лишены все остальные идеи. Таким образом, знание – это то, что может оцениваться как истина. К мнениям и верованиям эта оценка неприменима.

Знание отличается от веры и мнения тем, что нуждается в обосновании. Но обоснование выражается в знании, следовательно, одни знания обосновываются другими, и если мы хотим получить общее понятие знания, получается некоторый порочный круг. Можно полагать обоснование не знанием, а действием познающего субъекта: эмпирической проверкой знания, его логическим доказательством или практической применимостью. Однако практика позволяет делать разные, порою противоречивые, заключения, да и с логическим доказательством все не так просто, ибо существуют разные логики и разные требования к логическому доказательству. Следовательно, проблема обоснования порождает целый спектр гносеологических и методологических вопросов: что считать «проверяемостью», что – «доказанностью» и, наконец, «практической применимостью» знания. Все они связаны с проблемой обоснования самой процедуры обоснования.

Для ее решения призывается ленинская теория «отражения», в которой А. Л. Никифоров выделяет «содержательное ядро»: «отражение следует понимать как сходство – сходство отображения с отображаемым» [3, с. 14]. Разумеется, сходство – не тождество, но если в знании есть хоть что-то сходное с «реальным объектом», то это «что-то» есть отражение этого объекта, и если это так, то знание дает нам кое-какое представление о «самом объекте», то есть в какой-то мере является объективным и истинным. Но это тот же логический круг: истинность знания – то, что должно быть установлено, проверено, доказано, обосновано, а обоснование есть установление истинности.

Философское рассмотрение проблемы знания нуждается в таких средствах, которые позволили бы избежать логических кругов, и теория «отражения» в виде теории «сходства» не удовлетворяет этому требованию. Не помогает делу и перенесение понятия «сходства» на отношение между «реальностью» и «онтологическими моделями» [Там же, с. 27]. Ведь это сходство должно устанавливаться при помощи наблюдения и эксперимента, а оценка результатов последних как «истинных» или «ложных» зависит от их интерпретации с помощью самой модели или «вспомогательных» (инструментальных) теорий.

«Обоснованность» и «истинность» знания – эпистемологические категории, которые должны связать в себе требования объективности с историко-культурным пониманием становления субъективности как

социального процесса. Отношение знания к своему объекту определяется в исторически и культурно обусловленных процессах практической и теоретической деятельности. Характеристики знания могут оцениваться в зависимости от формы, стадии, преобладающей тенденции или конкретной специфики социально-культурной среды, от того, какие ценности в ней преобладают.

Логика осмысления феномена знания позволяет констатировать наличие все более усиливающейся тенденции отхода от традиционной «образной» концепции знания (знание как отчужденный от субъекта результат, итог познания в виде образа предмета познания) к концепции знания как понимания, которая непосредственно связана с культурно-исторической трактовкой человека как субъекта предметно-практической деятельности и предмета познания, который всегда дан ему в формах этой самой его деятельности. Это означает, что процесс познания как процесс понимания не есть процесс обнаружения уже готовых смыслов. Смыслы рождаются в процессе личного осмысления индивидом целей своей жизнедеятельности, что свидетельствует о том, что живая мысль и связанное с ней знание и отчужденная, исторически выработанная форма фиксированной объективации мысли, выраженная в языке, в имени, – не одно и то же. Именно поэтому так называемый «третий мир» К. Поппера, отчужденный от субъекта познания, не может представлять собой мир знания.

Знание как таковое невозможно вычленивать из познавательного процесса, поскольку процесс познания и есть тот способ, каким существует знание как сложная, многоуровневая в плане своей организации функциональная система. Познавательный процесс есть сторона взаимодействия человека как социального существа, субъекта предметно-практической деятельности с действительностью, опосредованная его взаимодействием с другими людьми благодаря такому продукту антропосоциогенеза, как язык. Отсюда – связь процесса познания и знания с другими аспектами бытия человека в мире: нравственным, эстетическим и др.

Знание, таким образом, можно определить как сложный по своей структуре социокультурный феномен, реализующийся в виде функциональной системы, действующей в рамках всего человеческого общества, элементом которой выступает человеческий индивид [4, с. 51]. Знание существует как динамически развивающаяся многоуровневая, в плане своей процессуальной организации, функциональная система, проявляющая себя в локальных формах дискретного, «мерцающего» фона сознания индивида, как процесс порождения новых смыслов, а следовательно, понимания. В силу многообразия связей человека как субъекта предметно-практической деятельности с окружающим его миром природной и социальной действительности знание всегда имеет незаконченный характер, составляя содержание процесса познания. Знание детерминирует самую возможность практически-деятельного взаимодействия человека с действительностью и представляет духовный способ овладения предметом, позволяющий включить его в контекст жизнедеятельности субъекта.

Как мы видим, чисто эпистемологический анализ знания недостаточен, поэтому он должен включить в себя социально-философский и культурно-антропологический аспекты, т.е. стать философским в полном объеме. Не отдельная эпистемологическая дисциплина, но лишь интегральная философия познания способна дать адекватное и полное представление о знании, которое является результатом анализа реального познавательного процесса и наполнено конкретным содержанием.

Список литературы

1. **Демина Н. А., Павлов А. П.** Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 71-75.
2. **Касавин И. Т.** Критерии знания: собственно эпистемические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон+, 2012. С. 50-61.
3. **Никифоров А. Л.** Понятие истины в теории познания // Никифоров А. Л. Понятие истины в социогуманитарном познании. М.: ИФ РАН, 2008. С. 12-28.
4. **Петров М. А., Райбекас А. Я.** Феномен информации и знание. Красноярск: КГУ, 2006. 135 с.
5. **Gettier E.** Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23. P. 121-123.

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF “KNOWLEDGE” NOTION

Vyacheslav Ivanovich Kudashov, Doctor in Philosophy, Professor
Mikhail Aleksandrovich Petrov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Siberian Federal University
vkudashov@mail.ru; mipet@yandex.ru

The authors show that the epistemological problems of the notion “knowledge” are more complicated than it seems to ordinary consciousness beyond the philosophy of science. Numerous characteristics of knowledge can be summed up in its definition as a reasonable, universally valid, intersubjective system of signs. However, the philosophical theory of knowledge considers knowledge from wider point of view, which goes beyond the philosophy of science. There is a problem of knowledge attitude to the outside world or to human activity. Therefore, absolutely epistemological analysis of knowledge, from the authors’ point of view, is not sufficient; it must include social-philosophical and cultural-anthropological aspects.

Key words and phrases: knowledge; epistemology; truth; opinion; belief.